

Наталья Кравченко

**ОБ ИНТЕГРАТИВНОМ ПОДХОДЕ К КЛАССИФИКАЦИИ
КОММУНИКАТИВНЫХ СУБЪЕКТОВ
(к постановке проблемы)**

Стаття присвячена проблемі типології комунікативних суб'єктів. Здійснюється порівняльний аналіз традиційної класифікації комунікативних ролей з підходом «від соціальної групи — до очікуваного сценарію комунікативної поведінки» і концепції ролевих категорій, запропонованої Г. Саксом з підходом «від комунікативної поведінки інтерактанта — до його розподілення іншими учасниками в рольову категорію».

Ключові слова: комунікативний суб'єкт, категоріальна роль, оперативна роль, аналіз категорії членства.

Статья посвящена проблеме типологии коммуникативных субъектов. Осуществляется сравнительный анализ традиционной классификации коммуникативных ролей с подходом «от социальной группы / позиции — к сценарию ожидаемого коммуникативного поведения» и концепции ролевых категорий, предложенной Г. Саксом с подходом «от коммуникативного поведения интерактанта — к его «распределению» другими участниками в рольовую категорию».

Ключевые слова: коммуникативный субъект, категориальная роль, оперативная роль, анализ категории членства.

The article explores the problem of the communicative subjects' typology. It proposes the comparative analysis of the traditional classification of communicative roles based upon the approach «from the social group — to the expected scenario of the communicative behavior» and role categories theory developed by H. Sacks with the approach «from the communicative behavior of the subject — to his / her «distribution» by other participants into the role category».

Key words: communicative subject, categorical role, operative role, membership categorization analysis.

Одним из актуальных вопросов современной дискурсологии остается проблема типологии коммуникативных субъектов. Дискуссионность проблемы обусловлена существенным отличием субъект-

ных ролей в спонтанной повседневной речи и в институциональном дискурсе, в котором, в свою очередь, роли дифференцируются в зависимости от институционально-специфических целей. С другой стороны, разнообразие подходов определяется различными исследовательскими интересами, задачами и, соответственно, принципами и методиками анализа интеракций различными направлениями дискурс-анализа. Несмотря на значительное количество работ, посвященных исследованию коммуникативных субъектов в различных речевых ситуациях [1–5; 7–9], анализ научной литературы позволил выявить две основные классификации коммуникативных ролей, которые существенно отличаются в своих исследовательских ориентирах и методиках:

1) традиционная концепция, в соответствии с которой роли рассматриваются как реализация социального статуса / положения в социальной группе и др. (*подход «от социальной группы / позиции — к сценарию ожидаемого коммуникативного поведения»*);

2) концепция ролевых категорий, согласно которой коммуникативные роли анализируются исключительно в аспекте их значения для содержательно-формальных характеристик текущей интеракции. Указанная концепция предложена Г. Саксом [9] в ракурсе принципов конверсационного анализа и этнометодологии (*подход «от коммуникативного поведения интерактанта — к его «распределению» другими участниками в ролевую категорию»*).

Традиционная концепция ориентирует анализ от макро- к микро-категориям дискурса. Основная цель такого исследования сводится к выявлению того, каким образом социальные роли *исполняются* в интеракциях. Концепция Г. Сакса базируется на микроанализе дискурса на уровне локальных интеракций. Она фокусируется на том, как коммуникативные субъекты *распределяются* в ролевые категории в процессе интеракции, и как такое распределение воздействует на протекание самой интеракции, которая определяется через категорию *turn-taking* — попеременного взятия речевого хода посредством смены коммуникативного ролей.

Целью статьи является постановка вопроса об интегративном подходе к классификации коммуникативных субъектов, который позволил бы синтезировать принципы перформативного (см. ниже) и этнометодологического анализа дискурса. Цель реализуется в *задачах*

обобщения позитивных моментов существующих теорий, а также тех аспектов, которые нуждаются, на наш взгляд, в уточнении и развитии.

Традиционный подход к классификации коммуникативных ролей субъектов.

В научной литературе традиционно выделяются следующие типы социальных ролей коммуникантов: а) статусные роли как относительно постоянный статус коммуникантов, который он приобретает от рождения (принадлежность к определенному полу, расе, национальности, этносу, вероисповеданию); б) позиционные роли, отвечающие месту человека в обществе (профессии, социальному статусу); в) ситуационные роли как более или менее фиксированные стандарты поведения и деятельности, не привязанные непосредственно к определенным позиционным ролям (покупатель, продавец, пешеход, пациент, друг, жертва, начальник, подчиненный и т. д.) [3, 241].

Указанная классификация построена, на наш взгляд, в соответствии с принципами перформативного анализа (как разновидности конструктивистского подхода) в исследовании коммуникативных субъектов, цель которого — выявить то, как личность «исполняет» (perform — отсюда название подхода как «перформативного») свою категориальную роль в различных интеракциях. Недостаток перформативного подхода заключается в том, что, начиная анализ, исследователи заранее знают, какие именно признаки и какой социальной группы они будут изучать вместо того, чтобы систематически выявлять формирование личностных категорий в дискурсе.

Вторым «слабым» местом любой типологии, опирающейся на «до-дескурсивные» категории, является то, что в реальных интеракциях основания классификации могут утрачивать свое значение, и границы между членами становятся весьма расплывчатыми. Так, позиционные роли представителей ряда профессий (парикмахера, посредника, работника сферы услуг и др.) могут быть отмечены, независимо от их половой принадлежности, речевыми признаками «женской» роли (статусной, в соответствии с традиционной классификацией — см. выше), в то время как сценарий коммуникативного поведения женщины-руководителя (позиционная роль) нередко характеризуется «мужским» типом речи. «Женский» сценарий коммуникативного поведения выявляется у субъектов-мужчин, принадлежащих

к определенному психологическому типу — например, к типу «помощник», «романтик» и т. д. Однако такая разновидность ролей вообще не вписывается в приведенную выше классификацию. Можно поспорить и относительно принадлежности к ситуационным ролям роли «жертвы», поскольку, с одной стороны, она также может быть связана с определенным психологическим типом (реализуя врожденную «предрасположенность» личности к исполнению определенного коммуникативного сценария) либо, с другой стороны, исполняться некоторыми личностями на протяжении всей жизни или значительного ее периода под воздействием занимаемого места в обществе, семье (то есть быть «приобретенной» позиционной ролью). К аналогичным выводам можно прийти, анализируя «ситуационную», в соответствии с традиционной концепцией, роль друга. Не случайно Г. Сакс относит эту роль к родственным категориям («мать — дочь», «друг — друг», «муж — жена») [9, 152–153], члены которых при сопоставлении с традиционной классификацией распределяются как в группу статусных / врожденных («мать — дочь»), так и позиционных («муж — жена»).

На наш взгляд, для определения релевантности той или иной роли для интеракции не имеет значения ни статус коммуниканта «от рождения», ни его позиция в обществе, ни другие «додескурсивные» факторы, если эти роли не определяют речевое поведение собеседников в дискурсе. Исходя из этого, более перспективными для дискурс-анализа коммуникативных ролей субъектов представляются нам принципы конверсационного анализа, в соответствии с которыми роль релевантна для коммуникантов только в определенный конверсационный момент. В этом случае вектор анализа направлен на систематическое выявление того, каким образом ролевые категории формируются в дискурсе: «приписываются (или отвергаются), подтверждаются (или опровергаются), демонстрируются (или игнорируются)», и как «все эти вещи происходят как часть интеракционной работы» [6, 2]. Такой подход в значительно большей мере, чем традиционный (перформативный), учитывает ответную интерпретирующую позицию собеседника (адресата), а именно: совпадает ли «предлагаемая» роль с ее идентификацией собеседником; насколько роль релевантна для интеракции, для ее продолжения или прекращения.

Третьим моментом традиционной классификации, нуждающемся в уточнении, является неопределенность понятия «статусной» роли, которое не содержит четких критериев для ограничения статусных ролей от других ролевых типов.

Так, если исходить из общепринятого в общественных науках определения статусной роли как «модели поведения в соответствии с правами и обязанностями, закрепленными за данным статусом», а статуса как «положения человека в социальной структуре общества (группы)», то любые социальные роли будут носить статусный характер. В таком случае, остается неясным, почему профессиональный статус или статус домохозяйки квалифицируются как позиционные, а не статусные роли. Открытым остается вопрос о том, в какую категорию — статусных или позиционных ролей попадают «возрастные» (ребенок, подросток, старик, взрослый) и родственные категории (сын, дочь, бабушка, дедушка, тетя). Если исходить из «социального» (а не дискурсивно-интеракционного) критерия, то, в соответствии с принятыми в социологии классификациями, более логичным было бы выделять не статусные, позиционные и ситуационные роли, а статусные роли приписываемого (украинец, женщина, свекор, граф), достигаемого (полицейский, космонавт, народный депутат) и смешанного типа (вождь, профессор, китаец американского происхождения) и т. д. В то же время такая классификация с трудом проецируется на соответствующую типологию коммуникативных ролей интерактантов.

Коммуникативные роли интерактантов в ракурсе концепции Г. Сакса «Анализ категории членства» (membership categorization analysis).

В соответствии с концепцией «механизм категории членства», выделение ролей интерактантов осуществляется в ракурсе обоснования практического значения определенных типов для интеракции и интеракционного анализа. Выделяются 5 этнометодологических принципов исследования субъектов интеракции: 1) для личности идентифицироваться в интеракции означает «быть распределенной» в категории «ассоциированных характеристик или свойств». Согласно подходу Г. Сакса, для каждой категории существует перечень действий, убеждений, чувств и обязательств, которые обычно ассоциируются с ней; 2) такое распределение является «индексикальным и зависит от обстоятельств», то есть использование ка-

теории имеет смысл только в локальном контексте; 3) практика распределения определяет релевантность той или иной роли для продолжения интеракции (говорящие ориентированы на использование категорий, что обуславливает направление разговора); 4) соответственно, значение «приобретения роли» — в последствиях для интеракции; ролевая категоризация побуждает участников к дальнейшей интеракции или удерживает их от последующего общения; 5) все эти практики «выявляются в использовании людьми структур разговора».

В рамках указанного подхода выделяются три группы ролей (категорий) участников интеракций: 1) категориальные роли / идентичности; 2) оперативные роли / идентичности и 3) реляционные или «родственные» роли / идентичности. Термин «категориальные» роли является, на наш взгляд, наиболее условным: поскольку все типы ролей основывается на способах категоризации каждым из интерактантов себя и других в соответствии с «механизмом категоризации членства», любая роль в интеракции будет в определенной мере категориальной.

С одной стороны, указанная типология имеет некоторые общие черты с традиционной классификацией: позиционные роли пересекаются с категориальными, ситуационные — с оперативными. Статусные роли (в их традиционном толковании — пол, раса и др.), на наш взгляд, рассматривались бы Г. Саксом как категориальные. Вместе с тем, приведенные ученым и его последователями примеры категориальных ролей в интеракции («демократ», «подросток», «знакомый», «член либеральной партии», «консультант центра предотвращения суицида», «врач», «пациент», «еврей» и др.) показывают, что в эту группу могут быть распределены члены всех трех «традиционных» типов ролей: статусных, позиционных и ситуационных. Основное в концепции Г. Сакса — не столько разграничение типов ролей, сколько обоснование того, *как ориентированность участников на использование ролей обуславливает их речевые ходы и направление разговора в целом*. Так, упрощенная модель интеракции, основанная на ролевом «распределении» субъектов, будет выглядеть таким образом: роль (ее идентификация участниками / самоидентификация) — речевой ход в поддержку роли / речевой ход в противодействие роли — изменяющаяся роль — новый речевой ход — и т. д.

Исходя из этого, ключевыми аспектами концепции Г. Сакса являются, на наш взгляд, следующие: а) в какую категорию распределяется личность в интеракции; б) каковы конвенциональные ожидания собеседников относительно нормального поведения субъекта, распределенного в категорию (исходя из того, что члены категории описываются посредством определенных действий и характеристик); в) как отсутствие определенных «категориально связанных действий» маркируется и объясняется в интеракции; г) как категории сочетаются друг с другом.

Для иллюстрации различий между категориальными и оперативными ролями и их неодинаковой функции в процессе интеракции приведем фрагмент телефонного разговора:

1. А — *Ирочка, привет. Как дела? Как твой сынок? Как здоровье?*

2. Б. — *Все отлично. Как ты?*

3. А. — *Как обычно. Работы много. Заказов мало... Поставщики подводят, клиенты опаздывают с платежами. В общем, кручусь, как могу... Я слышала, у вас там работы поприбавилось? И даже появились новые вакансии ... (пауза 0.5).*

Первая реплика вводит родственную роль «подруги», на что указывает форма приветствия (Ирочка), пропуск формулы представления (например, «Это Настя»), серия стандартных вопросов, показывающих осведомленность о детях, здоровье и др. То, что роль «подруги» идентифицируется интерактантом, подтверждается ответным речевым ходом с местоимением «ты». Следующий речевой ход, который должен вводить официальную причину звонка, на самом деле является попыткой выявить субъективные обстоятельства другой стороны, которые могут подсказать звонящему формулировку причины. Этот ход вводит тему «работа» и сразу две роли: оперативную роль «осведомленной подруги» и категориальную роль «деловой женщины». Именно категориальная роль показывает, что причиной звонка является нечто, связанное с работой интерактанта, и подсказывает собеседнику, что ожидается от него в плане поддержания разговора и использования ролевых категорий. На то, что основой дальнейшей интеракции должна стать идентификация именно категориальной роли и в связи с ней будет сформулирована причина звонка (вероятнее всего, содержащая просьбу помочь с трудоустройством), указывает продолжение речевого хода с двумя местами «транзитивной

релевантности» в виде вопроса («Я слышала, у вас там тоже работы поприбавилось?») и паузы. Не исключена возможность, что одним из «боковых» ответвлений разговора будет реплика в поддержку оперативной роли (например, «Ты, как всегда, в курсе»). В таком случае разговор продолжится до тех пор, пока релевантность вопросительного высказывания о работе не станет очевидной для второго интерактанта, и он будет способен извлечь «прагматические импликации» о том, какой вид речевого вклада имеет место и что требуется от него для завершения секвенции.

Концепция Г. Сакса не предлагает критериев разграничения ролевых категорий. В то же время, обобщение анализа (конверсационными аналитиками) различных примеров позволяет говорить о функциональных различиях категориальных и оперативных ролей в плане организации спонтанного диалога. Так, категориальные роли релевантны для обеспечения глобальной интеракции, всего разговора, так как характеризуются более типичным (распознаваемым интерактантами) набором «ассоциативно связанных действий и предикатов». Так, в приведенном примере категориальная роль «деловой женщины» связана с такими категориально связанными действиями и предикатами, как «разбирается в бизнесе», «умеет зарабатывать деньги», «заинтересована в карьерном росте», «использует деловые связи». На принадлежность к категории «деловая женщина» указывают эксплицитные лексические единицы «работа», «платежи», «клиенты», «заказы», «поставщики», которые значимы для взаимной идентификации участниками своих ролей, что, в свою очередь, служат основой их дальнейшей интеракции, прогнозируя направление разговора в целом. Оперативные роли как менее предсказуемые связаны с локальными интеракциями, определяющими «предпочтительную организацию» отдельных коммуникативных ходов интерактантов.

Преимущества и недостатки концепции Г. Сакса. Типология коммуникативных ролей Г. Сакса разработана применительно к спонтанной разговорной речи, однако одно из ее преимуществ заключается в том, что категориальные и оперативные роли обнаруживаются (во всяком случае, нам удалось их обнаружить) в любом дискурсе, в том числе институциональном. Различия заключается в уровне спонтанности или предсказуемости оперативных ролей. В институциональном дискурсе оперативные роли, как правило, являются вариантами

категориальных ролей (соотносятся с категориальной ролью как тактики со стратегией). Так, в процессе собеседования одна из категориальных ролей представителя института («эксперт профессиональных навыков») реализуется в относительно стандартных оперативных ролях «экзаменатора» и «провокатора», который использует «запрещенные вопросы» («опишите ваши слабые стороны», «вы когда-либо выходили из себя?», «что вам больше всего не нравится в вашем начальнике?»).

Второе преимущество концепции «анализ категории членства» состоит в том, что она позволяет избежать «додескурсивной» категоризации. Выводы Г. Сакса о ролевой дифференциации участников разговора основаны строго на «наблюдаемых» данных, на изменении речевого поведения участников в процессе интеракции. Именно ориентированность участников на использование ролей обуславливает их речевые ходы и направление разговора в целом.

Вместе с тем, некоторые аспекты теории остались не до конца освещенными, что связано, на наш взгляд, с основным методологическим принципом конверсационного анализа (и, шире, этнометодологического подхода к исследованию дискурса и интеракций) — запретом на «абстрактное теоретизирование»:

1) выделяя наиболее общую типологию ролей, автор не предлагает набора признаков для разграничения типов; 2) анализируя категориальные и оперативные роли на микроуровне дискурса (в локальных интеракциях), методика не предполагает дальнейшей содержательной классификации в пределах каждого типа; 3) концепцией не уточняется, могут ли и при каких обстоятельствах категориальные роли трансформироваться в оперативные, и наоборот; 4) в типологии Г. Сакса отсутствует категория «статусных ролей» (вероятно потому, что один из методологических принципов конверсационного анализа гласит: статус и другая информация об участниках интеракции имеет значение только в том случае, если эксплицитно индексирована их репликами).

Мы считаем, что дополнение типологии Г. Сакса категорией «статусная роль», с одной стороны, не противоречит принципам конверсационно-аналитического (этнометодологического) анализа, и, с другой стороны, является моментом интеграции макро- и микроподходов к изучению дискурса. Так, статус интерактантов всегда

в той или иной мере индексирован их речевыми ходами, коммуникативным поведением в процессе интеракции. Он релевантен для коммуникантов в определенный конверсационный момент и конструируется участниками «внутри» локальных интеракций. С другой стороны, сам тип ситуации или события может предполагать статусный (иерархический) характер отношений между участниками общения (как, например, в институциональном дискурсе).

Предлагая дополнить типологию Г. Сакса категорией статусных ролей, мы исходим не из широкого «социологического» значения слова «статус» как «принадлежность» к определенной социальной группе, а истолковываем его в более узком смысле, выделяя такой аспект понятия «статус», как доминирование (оно может быть и социальным, и межличностным). Соответственно, статусная роль соответствует отношениям статусной иерархии — как социальной, так и коммуникативной. На наш взгляд, подобная трактовка статусной роли соответствует задачам изучения интеракции, отражая один из определяющих типов контакта между адресантом и адресатом — установку на коммуникативное доминирование / подчинение. В этом ракурсе понятие «статусной роли» тесно связано с такими коммуникативными категориями конверсационного анализа, как «право на речевой ход», «коммуникативное доминирование», «перехватывание / уступка коммуникативной инициативы». Если для институционального дискурса больший интерес представляет изучение социального доминирования (которое предопределяет асимметричность коммуникативных прав интерактантов), то в спонтанной разговорной речи неравный коммуникативный статус интерактантов произведен, прежде всего, от межличностного доминирования, которое может быть обусловлено не только и не столько социальным статусом, сколько личностью индивида.

Таким образом, выделение категории статусных ролей как коммуникативных ролей, выявляющих социальное или межличностное доминирование интерактантов, представляется вполне обоснованным в исследовании в виду того, что учитывает характеристики как институционального дискурса (иерархические статусные роли — определяющая характеристика институциональной коммуникации), так и спонтанной разговорной речи. Не случайно в конверсационном анализе *интеракция понимается как статусная ситуация с ролевой струк-*

турой коммуникантов. Порядок очередности высказываний связан с получением права говорить как результату *борьбы за влияние* между участниками.

При всей динамичности классификации Г. Сакса и ее ориентированности на интерактивное взаимодействие, она должна быть дополнена, на наш взгляд, элементами категоризации. Теоретические выводы Г. Сакса касаются механизма приписывания ролей (посредством распознавания интерактантами категориально связанных действий и предикатов), то есть фокусируются, если использовать термины современной когнитивной лингвистики, на обосновании ролевых категорий как фреймов взаимодействия субъектов в интеракции. Вместе с тем, анализ коммуникативных ролей в ракурсе «категории членства» не влечет за собой теоретических обобщений (вследствие запрета конверсационного анализа на «абстрактное теоретизирование») относительно дефиниции ролевых типов, их отграничения друг от друга и описания возможных взаимосвязей между ними.

В этой связи, необходим интегративный подход, который позволил бы дополнить концепцию ролевых категорий Г. Сакса элементами традиционной классификации коммуникативных ролей. При этом для дифференциации категориальных ролей не имеет значения их принадлежность к статусным (в традиционном понимании), позиционным или ситуативным ролям. Другими словами, к категориальным ролям могут относиться роли, связанные с возрастной, половой, семейной, профессиональной, национальной, классово-религиозной принадлежностью коммуникантов, со стандартными функциями, выполняемыми ими социальной или коммуникативной группе, с определенными (модельными) психологическими типами личности.

Основным критерием для выделения категориальных ролей и их отграничения от оперативных является их типичность (или даже прототипичность) для представителей социальной / социокультурной группы, благодаря чему роль однозначно распознается в интеракции. Типичность означает набор стереотипных категориально связанных действий, которые используются интерактантами как фреймы взаимодействия, задающие определенный сценарий коммуникативного поведения. Типичность / распознаваемость категориальных ролей обуславливает, на наш взгляд, их релевантность для глобальной интеракции. Такие роли «прогнозируют» формально-содержательную ор-

ганизацию всего разговора, в то время как оперативные роли связаны с локальными интеракциями, определяющими «предпочтительную организацию» коммуникативных ходов интерактантов.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка интегративной методики анализа коммуникативно-дискурсивных субъектов.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. *Карасик В. И.* Язык социального статуса : Социолингвистический аспект. Прагмалингвистический аспект. Лингвистический аспект / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2002. — 333 с.
2. *Седов К. Ф.* Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России / К. Ф. Седов [и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2000. — С. 298–311.
3. *Селіванова О. О.* Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. — Полтава : Довкілля-К, 2006. — 716 с.
4. *Селиванова Е. А.* Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. — К. : Фитосоциоцентр, 2002. — 336 с.
5. *Тарасова И. П.* Структура личности коммуниканта и речевое воздействие / И. П. Тарасова // Вопросы языкознания. — М. : Наука. — 1993. — № 5. — С. 70–81.
6. *Antaki C.* Identity as an achievement and as a tool / C. Antaki, S. Widdicombe // *Identities in Talk*. — London : Sage. — 1998. — P. 542–549.
7. *Bernstein B.* Social Class, Language and Socialization // *Language and Social Context : Selected Readings*. — Harmondsworth : Penguin, 1979. — P. 157–178.
8. *Gumperz J. J.* Individual and social differences in language use / J. J. Gumperz, D. Tannen // *Individual differences in language ability and language behaviour*. — L.; N.Y. : Acad. Press, 1979. — P. 303–326.
9. *Sacks H.* *Lectures on Conversation* / ed. G. Jefferson. — Oxford : Blackwell, 1992. — Vol. 1, 2. — 254 p.